

Й. БАБЕРОВСКИ¹

¹*Берлинский университет имени Гумбольдта, Берлин, Федеративная Республика Германия*

ИСТОРИОПИСАНИЕ: МЕЖДУ НАУЧНОЙ ТЕОРИЕЙ И ИСТОРИЧЕСКИМ ПОВЕСТВОВАНИЕМ¹

Аннотация. Автор исследования ставит перед собой глобальный вопрос: что отличает научное историописание от работы «рассказчика истории»? По его мнению, прежде всего, это указание проблематики исследования или изложение его теоретических оснований, степени изученности темы и, наконец, методики исследования. Без соблюдения этих основных условий историческое сочинение не может претендовать на статус научного исследования. В статье подробно рассматриваются работы историков, пытавшихся дать ответы на эти вопросы и предлагавших инновационные варианты исторического описания. Особое место при этом отводится проблеме специфики самого исторического повествования. Исследователь пытается дать ответ на поставленные вопросы через тему своего собственного исследования, посвященного Сталину как государственному преступнику. Автор приходит к выводу, что теории только маркируют повествования историков, но не структурируют их, поскольку последние зависят от множества других субъективных факторов. Другими словами, теория и повествование в интерпретации автора доклада предстают как две абсолютно не совпадающие сферы. Наконец, к этому добавляется и то обстоятельство, что каждый читатель читает свою книгу, основанную в том числе на собственном историческом опыте.

Ключевые слова: историография, теория истории, историописание, Сталин, рассказывание истории, исторический нарратив.

J. BABEROWSKI¹

¹*Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Federal Republic of Germany*

HISTORICAL WRITING: BETWEEN SCIENTIFIC THEORY AND HISTORICAL NARRATION

Abstract. The issue puts the global question: what makes a work of professional historiographic writing and a narrator's «telling a history» different? It is, first of all, a definitive indication of concerns of the study, suggestions of its theoretical grounds, identification of the topic' explorations level and, finally, the definition of the research methodology. Without compliance with the above conditions a historical work might not claim the status of scientific research. The issue examines various works of historians who tried to respond to these questions and to offer innovative approaches towards historical description, focusing at the same time on the very peculiarity of the historical narrative. The author tries to respond to the challenge of his own study on Stalin as a criminal, a prisoner of State. The author comes to the conclusion that theories rather label the historian's narratives than give a structure for them, as depending on a variety of subjective factors. In other words, the theories and narrations, the author insists, turn out to be totally different and separated fields. Everyone, after all, reads one's own book and draws upon one's own historical experience.

Keywords: historiography, theory of history, Stalin, narrating, historical writing, historical narratives.

¹ Доработанная и дополненная версия статьи [1, s. 117-118].

Если историки хотят, чтобы их воспринимали как серьезных ученых, они должны описывать историю так, чтобы люди сразу понимали, что это плод работы именно ученого. Каким же образом люди поймут, что история описана ученым и претендует на научную достоверность? Ответ достаточно прост: слушатель определяет это по проблематике исследования и по теоретическим моделям, которые используют историки. Таким образом, историкам нужна теоретическая модель, которая позволяет выявить актуальные проблемы для исследования. Ни одна работа по истории не может быть выпущена без указания проблематики, степени ее изученности и методики исследования. Каждый автор, претендующий на звание историка, должен знакомить читателя с этими аспектами своей работы. Тот, кто просто описывает историю, не упоминая проблематику и теоретические аспекты своего исследования, может быть назван лишь рассказчиком историй, а не историком.

Философ Гюнтер Патциг из Геттингена 30 лет назад заметил, что историк, решившийся провести исследование без теоретической основы, – это историк, «который просто не афиширует теории, являющиеся концептуальной основой его исследования». Однако при этом он старается не подвергать критике гипотезы, на которых основывается его исследование. «Даже просто близкое реальным источникам исследование, – подчеркивает Патциг, – должно иметь под собой теоретическую основу» [19, s. 140-141].

Нет никаких сомнений в том, что исследование не может быть даже начато без какой-либо теоретической подготовки, но действительно ли историкам необходима теория, чтобы связно и понятно описывать исторические события? Ганс Ульрих Велер однажды, когда еще были в ходу «теории среднего уровня», подчеркнул, что теория – это «единая система понятий», которая «необходима для идентификации, раскрытия и объяснения исторических проблем» [25, s. 17-18]. Историки, желающие объяснить исторические процессы и проблемы, не могут обойтись без теоретической базы. Теоретическая подготовка необходима для правильного представления и описания исторических событий [25, s. 25]. Социальная история, по его словам, также немислима без теоретической базы. Владение теорией помогает историкам «ясно организовать свои мысли», увеличивает «рациональность научных дискуссий» и облегчает «понимание и описание» исторических проблем. Это не все, что Велер связывает с теорией историографии: работы, имеющие в основе теоретическую базу, содержат «точные тезисы о движущей силе истории», они объясняют действительность при помощи исторического опыта и повышают «разумность мышления и обдуманность действий» [25, s. 29-39].

Историк, отрицавший в то время необходимость теоретической базы для историографии, быстро прослыл бы в кругу просвещенных ученых ретроградом и простофилей. Таким нападкам подвергся и Голо Манн, писавший в противовес тезисам Велера, что «история – это искусство, базирующееся на фактах и не более того» [15, s. 53; 8]. В то время для меня это звучало как отрицание всего, что я учил на подготовительных семинарах. История – это просто художественный рассказ, основанный на знаниях о событиях прошлого? Я не хотел стать таким рассказчиком в эпоху «теорий среднего уровня».

Однако я, что было осознано мною гораздо позже, не полностью понял тогда высказывание Голо Манна. При этом высказывание Манна по своей сути нечто само собой разумеющееся, и многие историки сегодня с этим согласятся. «Так называемая теория», по словам Манна, лишь обобщение осмысленного опыта. «Историография невозможна без осмысления опыта современников и личного опыта». Тот банальный факт, что мы уже что-то знаем, приступая к исследованию нового, всегда был и будет в сознании историков. В конце концов, историография основывается на знаниях.

«Невеждам в историю хода нет», историки должны погружаться в прошлое настолько глубоко, чтобы найти знакомое в чужом и чужое в знакомом [15, s. 54]. Именно об этом мы и говорим: историки должны осмыслить жизни уже ушедших от нас людей и донести

осмысленное до своих современников. Если рассматривать теорию и повествование с этой точки зрения, то между ними нет противоречий. Даже представления Велера, претендующие на звание основанных на теории объяснений, могут быть легко оформлены в повествование. Это, по словам Голо Манна, «чисто стилистическая задача»[15, с. 40]. Вопрос не в том, могут ли истории и теория существовать бок о бок. Собственно, историк, рассказывающий что-либо, в большинстве случаев может подвести теоретическую базу под свое повествование. Тот, кто заявляет, что его исторические представления не повествование, а материал, структурированный согласно некой теории, все равно должен будет оформить его в повествование. Вопрос гораздо обширнее: нужны ли теории историкам вообще? Помогают ли они им в написании и структурировании текстов? Становятся ли мысли, которые они хотят донести, яснее, если они прибегают к одной теории и отменяют остальные? Верных ответов на эти вопросы нет до сих пор.

Без теоретической базы невозможно было бы выявить и правильно описать предметы и явления. Предпосылки к выводам и источники в исторических работах должны быть явно указаны, чтобы каждый мог проверить правильность выводов авторов. Без определения проблематики, важности исследования и формирования понятий многие объекты изучения остались бы необнаруженными. Все семинары, все диссертации ссылаются на теории, понятия, идеальные типы, структуры и дискурсы.

Итак, теории помогают историкам понять, что они делают и для кого они это делают, но могут ли они помочь в написании текста, который должен что-то объяснить читателям? Как должно выглядеть историческое исследование, описывающее общество с точки зрения культуролога? Как должен быть структурирован текст, насыщенно описывающий события и действия людей? Каким образом проводится исторический дискурс-анализ? Как можно описать жизнь человека, чтобы читатель мог проследить влияние структур, ментальности, дискурсов на его жизнь и влияние человека на них? Эти вопросы задает себе каждый историк, принявший решение написать научную работу.

Почему же работы историков так похожи друг на друга? Почему историю ФРГ пишут так же, как Зибель и Трейчке в девятнадцатом веке писали историю Пруссии, несмотря на то, что историки используют разные теоретические предпосылки и имеют разное мировоззрение? Почему Велер в своих работах основную роль перекладывает на Гитлера и Бисмарка, а не на народ? Почему мне не казалось очевидным то, что Велер подразумевает само собой разумеющимся? Наверняка потому, что Велер так и не ответил на главный вопрос: как должны взаимодействовать действие и структура, как отразить это взаимодействие? Как должна выглядеть не описывающая, а объясняющая социальная история? Я не знаю ответов на эти вопросы. Я также никогда не понимал, чем отличается политическая история от обычной, когда речь заходит об описании прошлого.

Почему никого не удивляет работа по мировой истории девятнадцатого века Юргена Остерхамеля, хотя она базируется на инновационной концепции? В этой работе всемирная история описывается якобы по-другому, но я этого не заметил. И тем не менее книга мне понравилась. В ней описываются события девятнадцатого века, происходившие параллельно. Из нее также можно узнать, что опера и однонациональное государство являются феноменами Европы, которыми очень интересовались и за пределами континента. Эрудированные читатели, конечно, понимали, что все события в мире взаимосвязаны, прежде чем им показали, что на любые события нужно смотреть в глобальной перспективе. Читатели узнают о параллельности событий таким способом, который описывает все события последовательно и поочередно, таким образом, получается, что те события, которые не должны относиться к всемирной истории, все равно вписываются в нее. Возможно, для такого способа нет альтернативы. Именно поэтому, когда студенты спрашивают меня о том, как же должна писаться всемирная, социальная или дискурсивная история, я могу ответить только, что знаю, что такое теоретическая история, но не читал еще ни одной книги, в которой было бы описано, как пишется дискурсивная, социальная или культурная история.

Автор, пишущий о науке, должен уточнить, что является целью его работы и как ее достичь. Историки пишут об истории, которая основывается на фактах. Ни одна работа не может быть выпущена без указания фактов, на которых она основывается. Однако это скорее требования к текстам, а не к повествованию. Автор должен сделать выбор о том, что включать в свою работу, и о том, что должно остаться за ее рамками, прежде чем начинать писать, так как всеобъемлющее описание истории на данный момент просто невозможно. Каждому известно, что прошлое так же неструктурировано, как и настоящее, что наша действительность является просто непостижимым хаосом. Наша жизнь находится вне какого-либо контекста, и только повествование может выделить мысли и действия, которые необходимы для связного изложения истории. Повествование служит для преодоления контингентности и создания смысла [20, s. 25; 23]. Описывая историю, мы делаем ее более простой. Можно сказать, что описания действительности – это хорошо обоснованные фальшивки. Рейнхард Козеллек пишет, что действительность всегда зависит от ее восприятия человеком, поэтому действительность состоит из «упущенных событий». История, описываемая учеными-историками, также не является суммированным опытом исторических субъектов, так как все мы крепки задним умом и располагаем теми знаниями, которыми не могли обладать люди в том историческом периоде [12, s. 17-18].

Каждый историк сталкивается с проблемой описания своим читателям действительности, которая – и он знает об этом – является лишь репрезентацией действительности. Кроме того, историки сталкиваются с тем, что между ними и умершими людьми, о которых они хотят рассказать, лежит не только временной промежуток, с которым можно справиться, но и культурная пропасть, которую преодолеть невозможно, но можно подчеркнуть. Если мы хотим понять, как люди прошлого видели мир, нам нужно обратиться к репрезентациям, которые влияли на их мировоззрение. Репрезентации в истории – это средство ориентировки в мире социальных и политических реалий [1, s. 105]. Мы не смогли бы понять мир, если бы не описывали его с помощью символов, картин и понятий. Репрезентация пережитого дает людям возможность что-то понять и донести понятое до остальных. Если бы мы не владели даром сохранения и пересказа пережитого опыта, а также создания на базе него долговечных образов, мы не могли бы объяснить другим, как мы видим и понимаем мир. Как говорил Эрнст Кассирер: «Человек не может непосредственно взаимодействовать с миром, он не может уйти от своих изобретений. Вместо того чтобы работать с вещами, он работает с самим собой и своими репрезентациями, которые упорядочивают его знания. Репрезентации проскальзывают между человеком и действительностью, но они не меняют его мировоззрение, они позволяют ему его сформировать» [5, s. 50]. Репрезентация – это форма изложения знаний, которая позволяет человеку сформировать свой взгляд на мир.

Однако мы воспринимаем проявления жизни только в том контексте, которому доверяем. Мы являемся частью символического мира еще до того, как начинаем это понимать. Из него берут начало наши знания. Люди воспринимают неизведанное, прежде всего, через его исключительность. Культурный эссенциализм – это следствие стереотипизации, без которой люди не стали бы иными. Исходя из этого, становится ясно, почему во многих случаях после текста из чужого и прошлого мира в нашем изученном и знакомом мире ничего не меняется.

Это тоже является причиной того, почему работы историков похожи друг на друга. Автор и его читатели не хотят потрясений, они хотят уверенности. Таким образом, люди строят свой мир исходя из традиционных репрезентаций. Они хотят открывать новое, но в то же время желают жить в стабильном мире. Мы узнаем новое, делаем его частью нашего мира и снова живем в стабильности. Этот подход используется и при описании жизни людей в прошлом и их мировоззрения.

Тем не менее каждая интерпретация зависима от репрезентаций, которые основываются на текстах, чтобы убедиться в собственных репрезентациях. Это дает

историкам возможность наблюдать за собой, бросать себе вызов, меняться и пытаться, если не избавиться от неизвестности полностью, то хотя бы сделать ее более понятной в осознании того, что люди в прошлом работали над толкованием своей культуры. Другие культуры подразумевают просто другие смысловые связи, которые доступны человеческому пониманию. В этом и заключается значение символических репрезентаций для понимания тех событий, которые мы называем культурными и возможности которых мы изучаем в различных исторических контекстах [22, s. 63-87; 21, s. 7-14]. Невозможно описать мир таким, какой он есть, его описывают таким, каким его видели люди. Пропасть между действительностью и репрезентацией была преодолена, действительность стала одной из форм репрезентации.

Историки не заинтересованы в тексте как таковом, они заинтересованы в том, что несет в себе текст. Все тексты нужны им для того, чтобы выявить цепочку ссылок на то, что подразумевается под написанным. В этом и есть основное отличие работы историка от работы филолога, который изучает текст как самостоятельную единицу [11, s. 89-90]. Задача историописания в том, чтобы описать действительность так, чтобы современники узнали что-то новое. Книги по истории не должны быть «похожи на картины, которые просто изображают предметы» [28].

Я попробую показать вам все сложности, с которыми сталкиваются историки в своей работе, на примере моей книги. Я хочу написать книгу о Сталине. Она должна называться «Сталин. Карьера жестокого преступника». Название уже говорит о теме книги. Сталин интересует меня как преступник, то есть я должен освещать только те моменты его жизни, которые ответят на мои вопросы: в каких обстоятельствах могла вырасти такая личность, как Сталин, и как он использовал эти обстоятельства? Для того чтобы понять, что я мне не нужно, теория не нужна. Необходимо овладеть доступным, но сложным разнообразием прошлого и решить, какие события нужно исследовать. Теория предоставляет для этого мировоззренческие предпосылки, которые ложатся в основу книги. Макс Вебер представил свои оценочные суждения. Мои суждения таковы: жестокость является неотъемлемой частью человеческой природы, процесс цивилизации не влияет на это, и, если у человека будет возможность стать жестоким, он сделает это. Сталин был человеком, которому доставляли радость пытки и убийства и который, ввиду чрезвычайного положения (созданного им самим) в СССР, сумел стать господином жизни и смерти. Без Сталина и без жестокости произошедшей революции сталинизма бы не было. Ссылки на канонические тексты и убеждения марксизма не играют роли для моей интерпретации, так как убеждения не связаны с жестокостью напрямую, и их нельзя путать с мотивами поступков. Жестокость имеет свою собственную динамику, которой подвластны все люди. Это является предпосылкой для моей работы. Мне не нужна теория, чтобы определить, что я хочу описывать. Без понимания контекста я бы вообще не пришел к мысли описать историю диктатора и преступника. Сначала я должен был понять, что СССР был жестоким обществом, основанным на союзах, и власть диктатора в нем была безгранична. После десяти лет изысканий в московских архивах я понял, как я хочу писать свою работу.

Как можно описывать историю диктатора и преступника, если понятно, что история человека неотделима от его окружения, связей с другими политическими функционерами, культурной и нравственной среды? Как можно связно и понятно связать репрезентации Сталина и его окружения с репрезентациями историка и читателя? Мы не хотим знать, каким мир был тогда, мы хотим знать, как его видели Сталин и его окружение.

Историки описывают часть событий, которые являются частью некоей сущности. Макс Вебер считал, что наши ценностные установки определяют то, что мы считаем интересным для описания. Что же мы можем рассказать о жизни, если мы не видим ее во всей полноте, а только в частности? Вебер предлагает использовать идеальные типы [24]. При помощи такой «сконденсированной» действительности мы сможем понять, насколько идеальные типы отвечают действительной реальности. Не должны ли мы знать, как устроен

мир, чтобы описывать наши представления о нем? «Противостояние кажущегося мира и действительности сводится к противостоянию «мира» и «ничто»», – говорил Ницше [18, s. 564]. Создание идеальных типов не позволит нам установить достоверность событий. Вуаль репрезентаций не поднимет даже сравнение представлений с представлениями. Прежде всего, этот метод не поможет написать историю, которая поможет понять мотивы действий людей. Как нужно описывать диалоги или физические взаимодействия людей при помощи идеальных типов? Как при помощи идеальных типов описать страх и ужас, порабощение, подозрительность и доноительство, царившие в стране диктатора? Я этого не знаю и был бы благодарен, если бы кто-то объяснил мне, как это сделать. Зачем мне знать, что мир может быть представлен только как понятие, а репрезентации как идеальные типы, если это не поможет мне в написании книги?

Другая возможность написания книги – это написание истории о причинах и последствиях, объясняющая исторические события. Описание причинно-следственных связей между событиями опирается на представление о том, что у событий есть причины. Но откуда мы знаем, что у событий есть причины? Мы можем узнать это из наблюдений и экспериментов. Но как нам это поможет, мы же не можем наблюдать за умершим человеком? Если мы спишем революцию и сталинизм на ужасные условия жизни, то таким образом мы будем утверждать, что плохой уровень жизни вызывает революции. Однако те, кто жил тогда в таких условиях не знали, что их жизненные условия должны вызвать революцию. Таким знанием обладают только историки и только те из них, кто привык связывать бедность и революцию. Такая причинно-следственная связь является следствием традиций. Как говорил Дэвид Юм, причинно-следственную связь нужно устанавливать только, если «одна и та же причина всегда имеет одни и те же последствия» [9, s. 102-104]. На самом деле мы не можем выявить связь между причиной и ее следствием. С таким же успехом мы можем утверждать, что революцию вызывает плохое настроение или плохая погода, потому что перед революцией в России у многих было плохое настроение, а осенью постоянно шел дождь. Но чего мы этим достигнем? Причинно-следственные связи позволяют нам установить преемственность событий по ссылкам на изменения и поворотные точки. Мы считаем причинно-следственные связи в истории непреодолимыми, потому что они всегда могут связать нужные события современности с нужными событиями в прошлом и показать нам «поворотные точки», в которых новое пришло на место старого [4, s. 75-76.]. Однако они не дают нам ответа на вопрос, как должна быть структурирована история, которая описывает ситуативные и интерактивные события.

Теперь можно решить и проблему описания событий в совокупности путем отделения окружения от структуры и структуры от событий и написания трех параллельных историй: истории окружения, истории структуры и истории событий. Этот способ предложил Фернан Бродель [3]. Но тогда читатель будет вынужден осмысливать три истории, каждую со своими принципами построения. Как можно описывать историю гор и рек, если мы не говорим, как люди видели и использовали их? Как можно описывать экономические структуры, если мы не показываем их влияние на события? Гора не может говорить, менталитет мертв без окружения, в котором он образовался, события не могут быть описаны без предпосылок. Приведем пример на базе моей работы: я хочу описать географию Прикавказья и Кавказа, описать экономические и политические условия сталинской системы и затем описать действия Сталина и его помощников. Я должен установить, что эти структуры и действия влияли друг на друга, не описывая, что это было так, а не иначе. Но я хочу оставить возможность того, что события могли произойти случайно и Сталин был обычным человеком, который иногда необдуманно принимал решения огромной важности. Но как же тогда рассказать историю жизни так, чтобы действия и структуры дополнили друг друга?

Нужно учесть все малейшие ответвления в прошлом, все точки зрения на них и попытаться понять смысл жизни людей в то время. Такой ответ дала бы герменевтика. Мы понимаем и истолковываем все, что делали наши предки, и все, что делаем мы. Но как

выразить это понимание? Некоторые историки говорят, что нужно поучиться у этнологов и *насыщенно описывать* события. Эту идею ввел антрополог Клиффорд Гирц, предложения которого десять лет назад были практически неоспоримыми законами. Любой ученый девяностых годов может вспомнить основные тезисы Гирца: культуру нужно воспринимать как «домашнюю пряжу значений», исследовать нужно не деревни, исследования нужно проводить в деревнях. К сожалению, историки тогда не попали в деревни [6, s. 32]. Вместо этого они сидели за своими письменными столами и думали о том, как насыщенно описывать жизненный мир. Приведу пример: я не был в канцелярии Сталина, я, слава богу, с ним не разговаривал. Я не наблюдал за ним и за людьми, разговаривающими с ним. Я не видел лиц его сподвижников в холодном поту от страха, однако я иногда ощущаю ужас, который должны были испытывать люди, жившие в то время. Может быть мой ужас связан с моими представлениями о жизни в то время. В любом случае я знаю только то, что описано в документах, это не одно и то же что личное переживание ситуации.

Может ли историк продвинуться к структуре понимания, к репрезентациям и может ли *насыщенное описание*, то есть описание всего наблюдаемого, дать ответ на вопрос, как выразить понятие? Такое выражение возможно только в том случае, если автор является частью описываемых событий и лично оценивает действия их участников. Однако историки не наблюдают за событиями лично. Они читают тексты, анализируют картины, памятники, статуи, иногда они откапывают черепки и пытаются отгадать смысл, который создатели вложили в них. Это стоит принять, даже если это неприятно: историки не наблюдают, они не участвуют в жизни умерших людей, они не проводят исследования в деревнях, они работают за письменными столами. В противоположность этнологам, которые могут даже пожить у предметов своего исследования, историки работают только с текстами. Деревенские жители не могут помочь им. Они не могут убедить их использовать свои, деревенские, представления о мире, если историк решит переиначить их мировоззрение или вовсе проигнорировать его. И я рад, что именно я, таким образом, контролирую Сталина, а не он меня. Кто еще может похвастаться контролем над диктатором?

Даже те историки, которые сомневаются в себе и в своих выводах, всегда получают те ответы, которые им нужны. В то же время историк меньше связан с предметом, о котором он говорит, чем с живущим сейчас человеком, которому он пытается объяснить этот предмет. Историки находятся в мире дискурсов, в то время как этнологи могут общаться не только со своими коллегами, но и с предметами своих исследований. Это и является причиной тому, что нет ни одного вида описания истории, про который можно было бы сказать, что это *насыщенное описание*. Исторические субъекты и объекты не могут повлиять на то, как будет писаться история, на это влияют правила жанра, в котором историк пишет свою работу.

Теоретики и не пишут историю, и это не совпадение, поэтому у них не возникает сложностей с написанием их текстов. Историк в своей работе сталкивается со сложностями, которых не знают философы и социологи. Историкам интересен только один вопрос: почему и как происходят события? Они отвечают на этот вопрос по-разному, но их ответы всегда ссылаются на события, которые предшествуют уже произошедшим. Если бы историки согласились просто описывать опыт людей и то, что они о нем знают, они бы не сталкивались с таким количеством проблем. В этом случае они могли бы ограничиться описанием событий, в которых участвовало множество людей, из различных перспектив: своей и противоположной, с точки зрения современности и прошлого. Историки не хотят заниматься только понятиями, они хотят анализировать исторический опыт одной местности и найти причины его отличия от опыта другой местности. При этом они ссылаются на прошлое (традиции, менталитет, структуры, действия), которое становится предпосылкой для описываемой истории. Я тоже столкнулся с этой дилеммой. Конечно, я могу отказаться от описания жизни и действий Сталина в таком контексте и просто описывать различные исторические ситуации в таком порядке, при котором было бы понятно влияние структур и действий друг на друга.

У моей истории тоже есть свои начало и конец, предыстория, описание и выводы, которые помогают читателю понять, что все события не случайны и существуют причины для изменения мировоззрения людей и их окружения, несмотря на то, что я знаю, что все могло пойти по-другому. Историки хотят описывать перемены, но поясняющая работа, например, может быть написана в ключе истории прогресса или истории развития. Если историк будет придерживаться истории прогресса, тогда история будет улучшаться, если истории развития, то история будет то улучшаться, то ухудшаться. В любом случае это будет история, где события следуют за событиями. Хейден Уайт говорил, что «превращение хроники событий в повествование требует того, чтобы историки выбирали один из способов структурирования событий, обусловленный их культурной традицией. ... Не существует требований, обуславливающих то, что хроника определенных событий должна быть передана в виде трагедии, комедии или баллады» [28, s. 77].

Историки описывают в своих работах закономерности и исключения, не принимая во внимание каких-либо предписаний о том, как нужно описывать историю. Практически все работы историков написаны в телеологической манере. Можно согласиться с Карлом Лёвитом в том, что концепт развития – это светская форма религиозных понятий и одновременно европейская традиция повествования [14]. Историки, рассказывающие о том, как были достигнуты какие-либо цели, формируют свое повествование таким образом, что описываемые ими события и действия взаимодействуют друг с другом, структуры и действия влияют друг на друга, а все изменения вызываются причинно-следственными связями. Они опускают все события, которые не ведут к описываемой цели, поэтому названия работ по истории содержат не только тему работы, но и временной промежуток, в котором эта тема раскрывается. Европейские историки полагают, что задача историографии состоит в том, чтобы выявить закономерности исторических процессов и выяснить причины перемен в истории. Китайский историк, напротив, больше заинтересован в анализе взаимодействия идей и структур. Для него история – это последовательность случайных событий [13].

Историки должны учитывать пожелания читателей, они общаются с читателями и коллегами как с образованными любителями, которые ожидают, что им объяснят, как люди стали такими, какие они есть сейчас. Тот, кто рискнет описать исторические события как случайную последовательность событий и подчеркнуть ее, должен рассчитывать на то, что читатели просто проигнорируют его книгу. Какая связь существует между опытом, который человек получил в детстве, и его решениями в зрелом возрасте? Я этого не знаю. Но это незнание не влияет на вопрос о том, как нужно описывать историю жизни. Все историки, описывавшие жестокие действия Сталина, говорили о его детстве. Историю жизни можно описывать и в обратном временном порядке, или в виде отдельных временных эпизодов, которые впоследствии выстраиваются в логичный ряд событий, как это делают писатели, желающие придать своему повествованию эффектность. Другими словами, историк, понявший, что историю формируют не события, а их цепочки, может описать любую действительность.

Мы как историки не можем представить хронике событий, исчерпывающуюся тем, чтобы представить выбранные факты в нужном порядке. Козеллек утверждает, что «хронологическая последовательность всех фактов, обуславливающих событие, является ... методическим требованием к историческому повествованию». В любом случае использование ретроспективы и перспективы как стилистических средств разрешается, чтобы подчеркнуть важность решающего события [10, s.145]. Для того чтобы оставаться в диалоге с читателем и быть им услышанными, нам нельзя отклоняться от обычных правил повествования. Наша задача состоит в описании того, чего нет на самом деле. Мы иммунизируем себя против случайностей, путем соединения событий таким образом, чтобы возникала правдивая история. Нужно лишь определить, чем будет определяться последовательность событий: намерениями исторической личности, структурами или

вообще богом. Намерения исторической личности должны быть представлены таким образом, чтобы читатель был уверен, что она планировала совершить что-то исторически необходимое. Каждое высказывание в любом историческом повествовании может быть истинным, но оно может быть и ложным, если цепочка событий была выстроена неверно [30, s. 361].

История должна восприниматься как толкование бессмысленного, о котором можно судить лишь тогда, когда оно рассказывается уверенно. В конце концов, важен только один вопрос: доверяют ли историку и его интерпретациям или его воспринимают как несерьезного хрониста. Нужно уметь отстаивать свое повествование перед публикой, и при этом важно только, удовлетворяет ли оно эстетическим и культурным ожиданиям читателей. Нас не шокируют деяния людей в прошлом, нас шокирует то, как об этом говорят.

Проблема, с которой мы здесь сталкиваемся, состоит в том, что историография часто находится в конфликте с правилами литературы о том, как должно вестись повествование. Тот, кто серьезно относится к принципам демифологизации истории, должен отойти от всех литературных правил и прекратить свое повествование. Такое решение, однако, будет стоить историкам влияния и престижа. Повествование – это «способ организации знания». Повествование допускает многозначность и контингентность только в той мере, в которой они соответствуют ему как литературной форме. Поэтому «насыщенные описания» могут быть использованы только в истории дискурса или социальной истории, так как они просто служат для соединения начала и конца. Это тоже одна из причин того, почему разные с точки зрения теории и методики виды истории зачастую похожи друг на друга.

Способ повествования истории не зависит от использования теоретических подходов. Теории и проблематика решают то, что будет рассказано, они не влияют на способ донесения информации. Впечатление, которое останется от книги у читателя, зависит от стиля автора и его таланта анализировать и структурировать подаваемый материал. Соответственно, читатель хочет получить ожидаемый и понимаемый им взгляд на историю. Поэтому большинство исторических повествований имеют начало и конец, преследуют какую-то цель, заканчиваются триумфом или катастрофой. Читатели и историки находятся в неявном сговоре, они вместе хотят ответить на вопрос: откуда взялись люди в прошлом, что с ними стало в процессе истории и какое будущее их ожидает. Этот вопрос интересует нас, потому что мы хотим разгадать загадку нашего существования. Как мы пришли к тому, кем мы являемся сейчас? Почему люди, принадлежащие к иным культурам, стали другими? Какую бы теорию историк ни использовал, она может дать представление только о том, как люди представляют бытие, но не о том, как оно должно быть описано. Вопрос, которым не задается ни один студент во время подготовительных семинаров, звучит так: нужна ли теория для историописания и структурируют ли она историю?

Пояснительные записки к теориям описывают нам варианты их применения. Однако историки, когда пишут свои повествования, ориентируются, прежде всего, на требования жанра и на ожидания читателей, а не на теории. История нужна нам, чтобы «осмыслить прошлое». Она является средством для объяснения нашей действительности [30, s. 381]. В таком случае достаточно описывать историю так, чтобы ее поняли. Поэтому повествования историков формируются не теориями, а требованиями литературного жанра и ожиданиями читателей. Эти ожидания довольно устойчивы, это можно понять, сравнив книги по истории девятнадцатого века с современными. Британский философ Бернард Вильямс сформулировал основной вопрос историков так: «К какой аудитории обращается историк своим произведением?» [30, s. 371].

Теории маркируют повествования историков, но не структурируют их. После того, как историк понимает, что повествование зависит только от рамок жанра и настроения публики, он может дать свободу своему перу, так как читатели читают не нашу книгу, а свою.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ankersmit F. R. Die drei Sinnbildungsebenen der Geschichtsschreibung // Historische Sinnbildung. Problemstellungen, Zeitkonzepte, Wahrnehmungshorizonte, Darstellungsstrategien / Hrsg. von K. E. Müller, J. Rüsen. Reinbek, 1997. S. 98-117.
2. Baberowski J. Brauchen Historiker Theorien? Erfahrungen beim Verfassen von Texten // Arbeit an der Geschichte. Wie viel Theorie braucht die Geschichtswissenschaft / Hrsg. von J. Baberowski Frankfurt am Main, 2009. S. 117-128.
3. Braudel F. Das Mittelmeer und die mediterrane Welt in der Epoche Philipps II. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1998.
4. Bruner J. S. Vergangenheit und Gegenwart als narrative Konstruktionen // Erzählung, Identität und historisches Bewusstsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte / Hrsg. von J. Straub. Frankfurt am Main, 1998. S. 75-76.
5. Cassirer E. Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur. Frankfurt am Main, 1990. 381s.
6. Geertz Cl. Dichte Beschreibung. Bemerkungen zu einer deutenden Theorie von Kultur // Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main, 1994. S. 7-43.
7. Gerhardt U. Idealtypus. Zur methodischen Begründung der modernen Soziologie. Frankfurt am Main, 2001. 486 s.
8. Haussmann T. Erklären und Verstehen: Zur Theorie und Pragmatik der Geschichtswissenschaft. Mit einer Fallstudie über die Geschichtsschreibung zum deutschen Kaiserreich 1871-1918. Frankfurt am Main, 1991. S. 281-310.
9. Hume D. Eine Untersuchung über den menschlichen Verstand. Stuttgart, 1979. S. 102-104.
10. Koselleck R. Darstellung, Ereignis und Struktur // Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1989. S. 145.
11. Koselleck R. Fiktion und geschichtliche Wirklichkeit // Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin, 2010. S. 89-90.
12. Koselleck R. Vom Sinn und Unsinn der Geschichte // Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin, 2010. S. 9-31.
13. Lee T. Muß die Geschichte einem rationalen Deutungsmuster folgen? Eine kritische Anfrage aus chinesischer Perspektive // Westliches Geschichtsdenken. Eine interkulturelle Debatte / Hrsg. von Jörn Rüsen. Göttingen, 1999. S. 269-275.
14. Löwith K. Weltgeschichte und Heilsgeschehen. Stuttgart, 1953.
15. Mann G. Plädoyer für die historische Erzählung // Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, T. Nipperdey. München. 1979. S. 40-56.
18. Nietzsche F. Wille zur Macht. Stuttgart, 1964. § 564.
19. Patzig G. Theoretische Elemente in der Geschichtswissenschaft // Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, T. Nipperdey, München, 1979. S. 137-152.
20. Polkinghorne D. Narrative Psychologie und Geschichtsbewusstsein. Beziehungen und Perspektiven // Erzählung, Identität und historisches Bewusstsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte / Hrsg. von J. Straub. Frankfurt am Main, 1998. S. 12-45.
21. Schwemmer O. Die Macht der Symbole // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. №20. S. 7-14.
22. Schwemmer O. Kulturphilosophie. Eine medientheoretische Grundlegung. München, 2005. 281 s.
23. Straub J. Geschichten erzählen, Geschichte bilden. Grundzüge einer narrativen Psychologie historischer Sinnbildung // Erzählung, Identität und historisches Bewusstsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte / Hrsg. von J. Straub. Frankfurt am Main, 1998. S. 143-151.
24. Weber M. Die „Objektivität“ sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1988.
25. Wehler H-U. Anwendung von Theorien in der Geschichtswissenschaft // Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, T. Nipperdey. München, 1979. S. 17-39.

28. White H. Literaturtheorie und Geschichtsschreibung // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Hrsg. von H. Nagl-Docekal. Frankfurt am Main, 1996. S. 73-74.
30. Williams B. Wahrheit und Wahrhaftigkeit. Frankfurt am Main, 2003. S. 361.

REFERENCES

1. Ankersmit F. R. Die drei Sinnbildungsebenen der Geschichtsschreibung // Historische Sinnbildung. Problemstellungen, Zeitkonzepte, Wahrnehmungshorizonte, Darstellungsstrategien / Hrsg. von K. E. Müller, J. Rüsen. Reinbek, 1997. S. 98-117.
2. Baberowski J. Brauchen Historiker Theorien? Erfahrungen beim Verfassen von Texten // Arbeit an der Geschichte. Wie viel Theorie braucht die Geschichtswissenschaft / Hrsg. von J. Baberowski Frankfurt am Main, 2009. S. 117-128.
3. Braudel F. Das Mittelmeer und die mediterrane Welt in der Epoche Philipps II. Bd. 3. Frankfurt am Main, 1998.
4. Bruner J. S. Vergangenheit und Gegenwart als narrative Konstruktionen // Erzählung, Identität und historisches Bewusstsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte / Hrsg. von J. Straub. Frankfurt am Main, 1998. S. 75-76.
5. Cassirer E. Versuch über den Menschen. Einführung in eine Philosophie der Kultur. Frankfurt am Main, 1990. 381s.
6. Geertz Cl. Dichte Beschreibung. Bemerkungen zu einer deutenden Theorie von Kultur // Dichte Beschreibung. Beiträge zum Verstehen kultureller Systeme. Frankfurt am Main, 1994. S. 7-43.
7. Gerhardt U. Idealtypus. Zur methodischen Begründung der modernen Soziologie. Frankfurt am Main, 2001. 486 s.
8. Haussmann T. Erklären und Verstehen: Zur Theorie und Pragmatik der Geschichtswissenschaft. Mit einer Fallstudie über die Geschichtsschreibung zum deutschen Kaiserreich 1871-1918. Frankfurt am Main, 1991. S. 281-310.
9. Hume D. Eine Untersuchung über den menschlichen Verstand. Stuttgart, 1979. S. 102-104.
10. Koselleck R. Darstellung, Ereignis und Struktur // Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. Frankfurt am Main, 1989. S. 145.
11. Koselleck R. Fiktion und geschichtliche Wirklichkeit // Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin, 2010. S. 89-90.
12. Koselleck R. Vom Sinn und Unsinn der Geschichte // Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Berlin, 2010. S. 9-31.
13. Lee T. Muß die Geschichte einem rationalen Deutungsmuster folgen? Eine kritische Anfrage aus chinesischer Perspektive // Westliches Geschichtsdenken. Eine interkulturelle Debatte / Hrsg. von Jörn Rüsen. Göttingen, 1999. S. 269-275.
14. Löwith K. Weltgeschichte und Heilsgeschehen. Stuttgart, 1953.
15. Mann G. Plädoyer für die historische Erzählung // Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, T. Nipperdey. München. 1979. S. 40-56.
18. Nietzsche F. Wille zur Macht. Stuttgart, 1964. § 564.
19. Patzig G. Theoretische Elemente in der Geschichtswissenschaft // Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, T. Nipperdey, München, 1979. S. 137-152.
20. Polkinghorne D. Narrative Psychologie und Geschichtsbewusstsein. Beziehungen und Perspektiven // Erzählung, Identität und historisches Bewusstsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte / Hrsg. von J. Straub. Frankfurt am Main, 1998. S. 12-45.
21. Schwemmer O. Die Macht der Symbole // Aus Politik und Zeitgeschichte. 2006. No. 20. S. 7-14.
22. Schwemmer O. Kulturphilosophie. Eine medientheoretische Grundlegung. München, 2005. 281 s.

23. Straub J. Geschichten erzählen, Geschichte bilden. Grundzüge einer narrativen Psychologie historischer Sinnbildung // Erzählung, Identität und historisches Bewusstsein. Die psychologische Konstruktion von Zeit und Geschichte / Hrsg. von J. Straub. Frankfurt am Main, 1998. S. 143-151.
24. Weber M. Die „Objektivität“ sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis // Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen, 1988.
25. Wehler H-U. Anwendung von Theorien in der Geschichtswissenschaft // Theorie und Erzählung in der Geschichte / Hrsg. von J. Kocka, T. Nipperdey. München, 1979. S. 17-39.
28. White H. Literaturtheorie und Geschichtsschreibung // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten / Hrsg. von H. Nagl-Docekal. Frankfurt am Main, 1996. S. 73-74.
30. Williams B. Wahrheit und Wahrhaftigkeit. Frankfurt am Main, 2003. S. 361.

© Баберовски Й., 2016

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Йорг Баберовски – доктор, профессор Берлинского университета имени Гумбольдта, Берлин, Федеративная Республика Германия, e-mail: baberowskij@geschichte.hu-berlin.de

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Jörg Baberowski – doctor, professor Humboldt-Universität zu Berlin, Berlin, Federal Republic of Germany, e-mail: baberowskij@geschichte.hu-berlin.de